

— Яочи Цзиньму — это я, а юная госпожа — не кто иная, как принцесса Лунци.

Чжан Босуй в ярости воскликнула:

— Похоже, даже тигр, спустившись с гор, оказывается в плену у псов!

Фан Иту помрачнела:

— Ты сейчас даже собаку с небес приструнить не в силах, к чему это пустословие? Раз матушка низвергла тебя в мир смертных, значит, ты смертная. Тебе так же ведомы старость, болезни и смерть, и нет у тебя больше эликсиров, чтобы залечить раны. Если дашь согласие на брак, я, со своей стороны, обеспечу безопасность твоего дома Дун. В противном случае, не обессудь, если мне придется действовать согласно небесным законам.

Чжан Босуй рассмеялась от крайнего возмущения:

— Небесным законам? Разве небесные законы позволяют принуждать смертных к смерти, выдавая их замуж за призраков и божеств?

Фан Иту с вызывающим видом фыркнула:

— Ты сама вышла замуж за смертного, о каких небесных законах ты мне толкуешь? Чжан Босуй, ты прекрасно знаешь, чьих рук этот клинок у меня в руках. Если не матушка его прислала, то принцесса Лунци. Ты привыкла бесчинствовать, полагаясь на покровительство небес, но теперь, когда небеса отвернулись от тебя, чем ты отличаешься от обычного смертного?

— Ты неверна как подданная и непочтительна как дочь, как у тебя хватает наглости нести подобный вздор перед лицом Хоу Чжунсяо?

Фан Иту про себя вытерла пот со лба. Ох, как же опасно! Увлеклась дракой и чуть не забыла о самом важном — о долге и морали.

Утомившись до седьмого пота, Фан Иту вернулась в покои, чтобы сменить одежду, и обнаружила, что Чжай-нян приготовила ей холодную ванну. Она быстро сбросила с себя всё донага и прыгнула в воду, тут же вздрогнув от холода:

— Ох, ледяная! Жёнка, как же мне хорошо!

Чжай-нян бросила ей в лицо полотенце и в смущении отвернулась. Фан Иту ухватила её за рукав:

— А спину потереть?

Чжай-нян застенчиво подошла обратно, отжала полотенце в прохладной воде и принялась бережно растирать ей спину:

— Шрамы на твоём теле исчезли!

— Да, это самое большое благо после того, как я стала бессмертной и вновь увидела вас всех. Старые раны больше не болят. А шрамы — не беда, после того как матушка полгода усердно втирала в меня жемчужный крем, их почти не осталось. Чжай-нян, запомни: как только появится возможность встретиться с императрицей, напости мне об этом.

Чжай-нян вспомнила, что Чжигуй стала бессмертной, лишь умерев, и если она сможет встретиться с императрицей, то, вероятно, и сама императрица будет уже мертва. Она тихо ответила и замолчала.

— Эх, жаль, что тот драгоценный меч не удалось отобрать. А даже если бы и удалось, кто-нибудь обязательно пришёл бы и потребовал вернуть его обратно.

Чжай-нян мягко упрекнула её:

— Перестань уже вести себя как разбойница, ну пожалуйста.

Фан Иту расхохоталась:

— Человек не должен забывать, кто он есть на самом деле!

Лежа в ледяной ванне, она закрыла глаза, позволяя тонким пальцам Чжай-нян массировать себе кожу головы, и с наслаждением выдохнула:

— Иди, убеди седьмую принцессу.

Чжай-нян с тревогой склонилась над ней, её брови, изогнутые словно ивовые листья, выражали печаль, подобную той, что испытывала Си Ши:

— Справишься ли ты? Я слышала, что все небожители пытались её вразумить, использовали и угрозы, и уговоры, но ничего не помогло. Она всё же особа царской крови, не чета простым людям. Вдруг она упрётся и будет стоять на своём до конца, и тогда тебе перед матушкой будет нечего сказать?

Фан Иту, не открывая глаз, коснулась её лица — прохладная кожа в летнюю жару приносила огромное облегчение. Её голос звучал чуть хрипло, а в ленивом тоне сквозила полная уверенность:

— Люди способны предпочесть смерть, защищая себя, но могут и пасть на колени ради тех, кого любят.

Чжай-нян тихо произнесла:

— Насильно мил не будешь, это не выход. По-моему... — Фан Иту коснулась её шеи своими ледяными пальцами, и Чжай-нян вздрогнула, оттолкнув её руку: — Не распускай руки!

Фан Иту расхохоталась:

— Подойди ближе, у меня есть хитроумный план!

Вернувшись домой, Чжан Босуй полночи проплакала у постели Дун Чжуна. Тот проснулся, протер глаза, увидел её и в испуге подскочил:

— Матушка, почему вы плачете? Сын сделал что-то не так и расстроил вас? Скажите, я обязательно исправлюсь.

Услышав это, Чжан Босуй зарыдала в голос:

— Что ты исправишь, уже поздно! Кто тебя просил знакомиться с призраком в храме Чэнхуана? Теперь поздно каяться!

Лицо Дун Чжуна стало то бледным, то красным:

— Матушка, я виноват. Но не стоит же из-за моих слов так убиваться.

— Как же мне не убиваться! Чэнхуан дал согласие на брак, через несколько дней он заберет твою душу, чтобы провести свадьбу, и я больше никогда тебя не увижу! — Чжан Босуй вытерла глаза, роняя слезы: — Я пыталась сразиться с Чэнхуаном, но проиграла...

— Э-э... матушка...

— Мое оружие было острее, и Чэнхуан был вынужден сражаться голыми руками, но непонятно откуда кто-то вдруг подарил ему меч. — Чжан Босуй задумалась, и на душе у неё стало совсем беспокойно. Она размышляла: Мой меч Фэньшуй входит в число двадцати семи божественных клинков Цзыфу, в мире смертных ему нет равных, даже оружие низших божеств не может с ним сравниться. Только оружие, выкованное Великим Бессмертным, может выдержать удар моего меча... Я не знаю точно, но почему кто-то подарил такое божественное оружие простому Чэнхуану, ничтожному мелкому божку?

Чжан Босуй рассуждала про себя: Если бы этот Чэнхуан имел влиятельных покровителей, его бы не отправили служить сюда. Но если у него нет связей, то кто же прислал ему такой меч? Неужели это сделали не ради него, а потому, что его противником была я, Чжан Босуй?

Как бы то ни было, раньше я могла бы просто пожаловаться старшей сестре Лунцзи, и всё решилось бы само собой. А теперь... я не могу одолеть этого проклятого Чэнхуана, и выхода нет...

Чжай-нян в лазурном платье, с промасленной бумажной зонтиком в руках, с волосами, собранными нефритовой заколкой, и полураспустившимся золотым лотосом у виска, вместе с Фан Иту в зеленом халате и шляпе подошла к дому семьи Дун и постучала.

Дун Юн, не открывая, спросил из-за двери:

— Кто там?

Фан Иту глухим голосом ответила:

— Позвольте спросить, здесь ли живет господин Дун?

Дун Юн, открывая дверь, ответил:

— Не стоит таких церемоний, я лишь скромный ученый.

Фан Иту подтолкнула Чжай-нян вперед. Увидев женщину, Дун Юн поспешно отступил на полшага и опустил глаза, чтобы не смотреть ей в лицо. Его обдало ароматом лотосов.

— Вы что-то хотели? — Он не узнал в ней ту женщину, которая прошлой ночью приставила к его горлу окровавленный кухонный нож и вытолкала из храма Чэнхуана. Ведь он не видел лица той супруги Чэнхуана, да и сегодня не разглядел лица этой дамы.

Чжай-нян, словно не ожидая, что дверь откроет мужчина, тоже отступила на полшага, вежливо поклонилась и мягко произнесла:

— Я, Хэхуа Саньнян, старая знакомая вашей супруги. Сегодня видела, как горько плачет сестра Босуй, и не смогла остаться в стороне, пришла указать верный путь.

Дун Юн, измученный слезами Чжан Босуй, услышав имя, явно принадлежавшее богине лотосов, поспешил ответить:

— Вы старая знакомая моей жены? Пожалуйста, входите.

Чжай-нян вошла. Дун Юн взглянул на Фан Иту, та сложила руки в приветственном жесте:

— Я по фамилии Лянь, супруг Саньнян. Господин Дун, не стесняйтесь, продолжайте свои дела.

Дун Юн ответил поклоном, подумав про себя: Жена — лотос, муж — корень лотоса? Понятно.

— Брат Лянь, откуда вы будете? Далеко ли путь держали?

Фан Иту слегка улыбнулась, поправляя шляпу:

— Где есть озеро, там и родина Ляня.

Чжай-нян сама постучала в дверь хижины и мягко позвала:

— Сестра Босуй, вы здесь? Не плачьте, Саньнян хочет поговорить с вами.

Чжан Босуй открыла дверь, вытерла покрасневшие глаза и спросила дрожащим голосом:

— Кто вы?

Чжай-нян, собравшись с духом, глубоко поклонилась:

— Я, Хэхуа Саньнян.

Чжан Босуй задумалась:

— Кажется, я вас не знаю.

Чжай-нян успокоила себя, твердя, что та сейчас обычная смертная и не может распознать в ней не лотосового духа, и набралась смелости, необходимой для обмана. С искренним взглядом и нежной улыбкой она произнесла:

— Вы знаете не так много людей, но мало кто не знает вас.

Чжан Босуй хмыкнула:

— Справедливо. — Она посторонилась, пропуская женщину в зеленом в дом: — Вы сказали, что укажете мне верный путь, слушаю вас.

Чжай-нян ответила:

— Есть только один путь — поставить себя на место другого.

Чжан Босуй нахмурилась:

— Что вы имеете в виду?

— Вам больно оттого, что после смерти сын женится на дочери Чэнхуана и вы больше никогда не увидите. Но и матушке Цзиньму так же больно оттого, что вы безрассудно вышли замуж за смертного. К тому же, день на небесах — это год на земле. Вы спустились вниз и полгода всё обдумывали, а для матушки Цзиньму прошло лишь время, необходимое для сжигания половины палочки благовоний, как вы уже собрались умирать из-за того, что хотите выйти замуж за смертного. А если бы ваш сын решил перерезать себе горло, лишь бы жениться на дочери Чэнхуана, что бы вы почувствовали?

Чжан Босуй рявкнула:

— Да как он посмеет!

Дун Чжун, стоявший рядом, прошептал:

— Матушка, я не посмею.

Чжай-нян продолжала мягко и улыбаясь:

— К тому же, вы так прекрасны и чисты, матушка наверняка подозревает, что он вас соблазнил, точно так же, как Чэнхуан силой принуждает вашего сына стать его зятем. Вы хотите, чтобы сын нашел достойную жену, а матушка хочет, чтобы вы нашли достойного мужа.

Чжан Босуй отвернулась:

— Господин Дун и есть достойный муж.

Чжай-нян возразила:

— Но матушка сначала узнала, что у её драгоценной дочери появился муж, а не о его достоинствах. Разве вы сейчас интересуетесь, какова собой дочь Чэнхуана?

Чжан Босуй тут же ответила:

— Мне плевать, какая она, лишь бы не отбирала моего сына! — Сказав это, она сама себя упрекнула и замолчала.

Чжай-нян встала и поклонилась:

— Я сказала всё, что хотела. Если вы сможете поставить себя на место матушки Цзиньму, кто-нибудь обязательно придет вам на помощь.

Чжан Босуй тоже встала и со сложным выражением лица произнесла:

— Я провожу вас.

Чжай-нян ответила:

— Мой супруг ждет меня, не утруждайтесь. — Не дай бог она увидит Чжигуй, они прошлой ночью так отчаянно дрались, что я боюсь, она узнает её по внешности и запаху.

Чжан Босуй кивнула:

— Чжун-эр, проводи тетушку.

Выйдя из хижины, Чжай-нян увидела, как Фан Иту, подоткнув полы халата за пояс, сидит на корточках в огороде вместе с Дун Юном, который рассказывает ей, как правильно жарить, тушить и варить бобы. Настоящий мастер земледелия и кулинарии.

Вскоре Фан Иту закрыла тушью кисть, спрятала её за пазуху, взяла восьмиугольную чернильницу из камня дуань, завернула её в ткань и, попрощавшись, ушла.

В ту же ночь письмо, над которым Чжан Босуй размышляла весь день, было сожжено в сумерках и отправлено прямо в руки принцессе Лунцзи.

Принцесса Лунцзи, прочитав послание, пришла в восторг и немедленно отправила его в Яочи к Цзиньму.

Императрица, читая письмо, с облегчением прослезилась, намочив три платка, а затем всхлипнула:

— Лунцзи, передай указ: отозвать Хоу Чжунсяо на небеса и проследи, чтобы она ни в коем случае не причинила вреда Дун Чжуну.

Фан Иту, держа Чжай-нян под руку и выглядя как победитель, вернувшийся с триумфом, подошла к Южным небесным вратам. Предъявив указ матушки и верительную грамоту Хоу Чжунсяо, она обменялась парой вежливых слов с дежурным Молихуном, попутно оценив свои силы.

Северный Небесный царь Молихун имел титул выше её, и это было естественно — ворота императорского дворца всегда охраняли верные и грозные военачальники. Взять хотя бы Сюэ Жэньгуя, который после усмирения Когурё охранял ворота Сюаньфу. М-да, по одной лишь стати видно, что мне с ним не тягаться.

Ничего не поделаешь, он упражнялся в боевых искусствах с эпохи Шан-Чжоу, а я стала бессмертной меньше трех дней назад и еще не тренировалась.

Когда Молихун принимал грамоты, он заметил Чжай-нян, стоявшую рядом с видом примерной жены, и невольно замер, машинально произнеся:

— На небесах строго запрещены любовные связи между мужчинами и женщинами.

Фан Иту расхохоталась:

— Чжай-нян — моя близкая подруга. Просто когда я была Чэнхуаном, я попросила её побыть в роли супруги Чэнхуана, мужчин там не было.

Молихун опешил, покачал своей огромной, как мерная чаша, головой и сказал:

— Любовь между женщинами хоть и не прописана в небесных законах, но если кто-то узнает, добром это не кончится.

Фан Иту сложила руки в приветственном жесте:

— Благодарю за предупреждение, Небесный царь.

Молихун помедлил и тоже ответил поклоном:

— Не стоит, Хоу Чжунсяо.

— На то были свои причины, — пояснила она. — В мире смертных мне для удобства часто приходилось притворяться мужчиной. Царь, посмотрите на мою статью, разве я не похожа на статного юношу?

Молихун кивнул и невольно рассмеялся:

— В мире смертных, если надеть мужское платье, ты действительно похожа на бравого юношу.

Фан Иту поняла, что он не любит пустых церемоний, и раз уж здесь, у Южных врат, почти никого не было, сменила тон на более простой:

— Всегда находилось много желающих выдать за меня своих дочерей. Если скажешь, что ты женщина, либо поползут слухи, либо у них найдутся сыновья на выданье, и если я буду лучше них, они начнут нести чепуху вроде «благородный муж не станет тягаться с женщиной», и даже «выяснить, кто сильнее» уже не скажешь. А если не признаться, что ты женщина, — это прямое оскорбление, потом дел не наворотишь. А она иногда бывает Фан Чжай-ши. Мне так проще, да и она не остается без защиты.

Молихун с улыбкой покачал головой:

— Законы смертных порой бывают ужасно утомительными.

Фан Иту приподняла бровь, и её хриплый голос прозвучал с дерзкими нотками:

— И не говорите! Если я победила, значит, я победила, а если проиграла — значит, мастерство подвело. Смерть — это моё личное дело, к чему все эти разговоры?

Молихун рассмеялся:

— У тебя и правда крутой нрав, мне это по душе. Если бы ты была мужчиной, я бы непременно назвал тебя братом Фаном.

Фан Иту расхохоталась:

— Брат Небесный царь, до встречи!

Фан Иту повела Чжай-нян внутрь Южных врат. Пройдя немного, они увидели Цзи Ю, которая, как всегда, с развевающимися полами одежд и суровым лицом ждала их:

— Я давно вас жду. Матушка вызывает.

Фан Иту спросила с серьезным видом:

— Не следует ли мне сначала омыться и переодеться перед встречей с матушкой?

Цзи Ю ответила:

— Матушка вызывает срочно, не стоит тратить время на пустые формальности.

Вместе с невозмутимой Цзи Ю они подошли к залу Яочи. Фан Иту остановилась, Чжай-нян поправила ей воротник, пояс, одернула рукава и стряхнула пыль с подола. Бессмертные косились на них, думая: что это за глупый юнец, позволяющий женщине так бесцеремонно возиться с собой прямо в Яочи. Фан Иту указала на меч, привязанный к поясу, и прошептала:

— Мне нельзя входить с мечом, сними его.

Чжай-нян развязала узел и бережно взяла золотой клинок:

— Готово.

Фан Иту достала из-за пазухи указ императрицы и протянула ей:

— Сохрани его, пусть будет у тебя.

Чжай-нян приняла его обеими руками, спрятала за пазуху и сказала:

— Поняла, иди скорее.

Цзи Ю, с неизменно мрачным выражением лица, проводила её в зал и прошептала с холодной насмешкой:

— Ну и важная персона этот Хоу Чжунсяо, даже в Яочи заставляет прислуживать себе.

Фан Иту спокойно ответила:

— Чжай-нян — мой человек, матушка после того, как сделала её бессмертной, отдала её мне. Она приводит в порядок мой вид, не нарушая правил, что в этом плохого?

Цзи Ю фыркнула, остановилась у входа в зал и, поклонившись, произнесла:

— Докладываю матушке, Хоу Чжунсяо прибыла и ждет указаний.

Навстречу вышла дворцовая служанка, сияя улыбкой, она глубоко поклонилась:

— Матушка велела Хоу Чжунсяо немедленно войти.

Фан Иту улыбнулась ей, вошла в зал и, совершив земной поклон, произнесла:

— Хоу Чжунсяо Фан Иту приветствует матушку.

— Встань, — Цзиньму улыбнулась величественно и доброжелательно. — Фан Цин, ты

утомилась, эти дни были нелегкими. Подать вина!

Служанка подплыла с серебряным кувшином и нефритовой чашей, наполнила её. Фан Иту выпила и почувствовала, что всё, что она пила до этого, было лишь помоями, и только это сладкое и ароматное вино достойно называться напитком. Ей налили вторую, она осушила её залпом. После третьей чаши служанка перестала наливать, и Фан Иту, которой хотелось еще, поманила её пальцем и, одарив очаровательной мужской улыбкой, прошептала:

— Милая фея, будь добра, еще одну чашу.

Служанка посмотрела на Цзиньму, но та была слишком увлечена письмом Чжан Босуй и не обратила внимания на вино. Служанка, краснея, подумала, что матушка не ограничивала количество чаш, и налила Хоу Чжунсяо еще несколько.

Фан Иту, слегка захмелев, пробормотала:

— Кувшин такой маленький, почему вино в нем не кончается?

Служанка тихо рассмеялась, глядя на высокую, одетую в мужское платье Фан Иту, и ответила ясным, сладким голосом:

— Хоу Чжунсяо не знает, но этот кувшин — магический артефакт. Хоть он и не вместит в себя все воды мира, но целое озеро Дамин в нем поместится. С тех пор как его наполнили, матушка всегда использует его для угощения, а вы, Хоу Чжунсяо, хоть и мастер пить, даже если выпьете десять-двадцать кувшинов, не осушите целое озеро.

Фан Иту, затуманенным взором глядя на миниатюрную служанку, улыбнулась:

— Одна ваша фраза стоит десяти лет учения.

Цзи Ю, стоявшая у входа, подумала: Бесстыдница! Знает ли Чжай-нян, насколько ты бессовестна!

Цзиньму была в отличном настроении и не стала обращать внимания на то, сколько выпила Фан Иту и о чем шепталась со служанкой:

— Фан Цин, ты совершила великий подвиг, проси чего хочешь.

Фан Иту собралась с духом и почтительно ответила:

— Устранение забот для матушки — мой прямой долг.

Цзиньму сказала:

— Нелегко выполнить свой долг так хорошо. Фан Цин, не скромничай, проси чего хочешь.

Фан Иту ответила:

— Когда я сражалась с седьмой принцессой, она одним ударом разрубила мой стальной нож. Если бы не один небожитель, который в критический момент одолжил мне этот божественный клинок, я бы уже рассталась с жизнью, и не было бы никакого дела с принцессой. Если матушка хочет наградить, то в первую очередь нужно отметить того, кто одолжил мне меч.

Цзиньму спросила:

— Кто же это был, так вовремя?

Фан Иту ответила:

— Прошу прощения, матушка, я не знаю.

— Ты на небесах одинока и только начала свой путь, не стоит стыдиться. Принеси меч, я хочу взглянуть.

Фан Иту посмотрела на изящную служанку, которая подошла к ней:

— Перед тем как предстать перед матушкой, я сняла меч. Будьте добры, сходите к Чжай-нян у входа в зал. — Служанка слегка улыбнулась: — Небеса — не мир смертных, здесь не нужно снимать оружие. — Сказав это, она быстро направилась к выходу. Фан Иту внезапно подняла глаза на Цзиньму, затем снова опустила, повторяя это несколько раз, словно хотела что-то сказать, но не решалась.

Цзиньму, пребывая в добром расположении духа, произнесла:

— Фан Цин, говори прямо, если есть что сказать.

— У меня есть одна скромная просьба. — Фан Иту опустилась на колени и, подбодренная вином, глядя на Цзиньму с увлажненными глазами, искренне произнесла: — Мы с Чжай-нян вместе с самого детства, она не раз спасала мне жизнь и пожертвовала ради меня своей судьбой. Я знаю, что на небесах запрещены любовные связи, но я знаю, что все эти годы она терпела лишения и следовала за мной, не жалея ни о чем, только потому, что когда-то мы были мужем и женой. Я хочу через два года траура втайне называть её женой. Я знаю, что ради соблюдения небесных законов даже принцесса Лунцзи была низвергнута в смертный мир, но мы с Чжай-нян не любовники, и между нами не было супружеской близости. Я нищая, и мне нечем её отблагодарить, кроме этого пустого титула. Прошу матушку о милости.

Принцесса Лунцзи, сидевшая за ширмой и просматривавшая доклады, услышав упоминание о себе и седьмой принцессе, понимающе улыбнулась. Она слегка коснулась стола и кивнула.

Цзиньму призадумалась и сказала:

— Ты пережила смерть, а она была готова умереть вместе с тобой — это редкая преданность.

Если бы ты была мужчиной, я бы сама даровала вам брак. Но ты... — Она взглянула на Фан Иту, которая с надеждой смотрела на неё, и вздохнула: — Ладно, передать указ: даровать Чжай-ши титул супруги Хоу Чжунсяо, пусть она следует за своей госпожой в совершенствовании.

<http://bllate.org/book/21775/2251799>